

# РАДОСТНАЯ ПРИМЕТА СЕЗОНА

ТЕАТР

ИЗДАВНА существует хорошая традиция: открывать театральный сезон новыми спектаклями. К сожалению, часто осенняя афиша почти не отличается от весенней. Начало нынешнего театрального года радует тем, что на большинстве московских сцен появились в сентябре и октябре новые работы. Когда они выстраиваются в ряд, то замечаешь хорошие приметы.

Радует желание писателей и театров войти в душевный мир человека, открыть лучшие черты современника в драматической судьбе, в столкновении с подлинными трудностями жизни. Примечателен в этом смысле «Девятый вал», поставленный Андреем Гончаровым в Московском драматическом театре.

Хорошо прежде всего то, что режиссер и театр заметили незаурядное дарование только еще начинающегося писателя и поверили в него. На первый взгляд кажется, что Ю. Эдлис следует по стопам А. Арбузова. Действительно, мы ощущаем близость писма драматургов — этому можно лишь порадоваться. Ощущаем и другое — то, чтостораживает: характер и судьба героини «Девятого вала» уж очень напоминают характер и судьбу Валентины из «Иркутской истории». Однако в главном пьеса правдива и серьезна: Ю. Эдлис сталкивает своих героев с жизнью непосредственно, лицом к лицу. В судьбе молодого инженера Романа — его прекрасно играет А. Грачев — в том, как нелегко бывает молодому че-

ловеку войти в настоящую жизнь, и в том, сколь неотрывны наши трудовые цели от взаимопонимания и товарищества, во всем этом писатель увидел подлинные конфликты.

Конечно, сказались в пьесе и неопытность драматурга. Далеко не все образы раскрыты достаточно полно, психологически убедительно. Недостатки эти проявляются и в спектакле. Там, где внутренний мир молодых строителей ясен актерам, — их поджидает успех. Хорош в спектакле не только А. Грачев, но и А. Антоненко, В. Платов, Л. Богданова, А. Шишов. Режиссер повел их по верному пути мужественной правды. Но вот — в действии пьесы, в жизни ее героев — провал, и тогда режиссер заполняет его внешними средствами. Было бы куда вернее, если б театр не восполнял очевидных пробелов пьесы сценической техникой, а помог писателю укрепить то лучшее, что есть в его сочинении. Хочется верить, что в следующей совместной работе — постановке новой пьесы Ю. Эдлиса «Аргонавты» — будет избран этот, самый надежный путь.

В мир человека наших дней вводит зрителя и театр-студия «Современник». Если попытаться определить главное в спектакле «Старшая сестра», то оно, по-моему, вот в чем: режиссер Б. Львов и артисты живут мечтой героини о большой, радостной, наполненной жизни. Мечта эта не формулируется, а открывается нам в мыслях и чувствах, радостях и огорчениях Нади, ко-

торую правдиво и увлеченно играет Л. Толмачева. И еще: мы почувствовали, как опасен, зловреден «здравый смысл» мещанина, даже если этот мещанин озабочен судьбами близких ему людей. Очень хорошо играет О. Ефремов Ухова. Кажется, актер не хочет ни в чем обвинить своего героя, напротив — добрый, участливый, внимательный этот дядя Митя. Он действительно не понимает, почему пришелся не ко двору в доме племянниц, он горько обижен. А за всем этим не только живой человек, каких много, но явление: душевная и идейная ограниченность, эгоизм, которые становятся особенно опасными именно оттого, что прикрыты одеждами доброты и отзывчивости.

Пьеса А. Володина и спектакль неравноценны в своих частях. Сцены театральных испытаний Надежды во втором действии лишены большого жизненного содержания, несут на себе печать наглядности. Есть в спектакле и другие недостатки. Но в целом — это талантливое и взволнованное произведение театрального искусства.

Хорошо, когда появляется новая талантливая пьеса, когда в драматургию входит молодой писатель. Но как же радостно возвращение на сцену — после долгого перерыва — многоопытного таланта Валентина Катаев назвал «Пору любви», поставленную в театре им. Моссовета, маленькой комедией. По-моему, это водевил со всеми его атрибутами — и слава богу! Режиссер А. Шапс поставил жизнерадостный, веселый спектакль, проникнутый добрыми чувствами. Но мне кажется все-же, что ему, этому спектаклю, не хватает легкости, остроты, озорства и той подлинной комедийности, секрет которой в том, что в любой, самой смешной и невероятной ситуации актер сохраняет полную искренность и серьезность. Впрочем, в «Поре любви» есть образ, который, по-моему, должен стать ключом для сценического раскрытия катаевского водевиля. Это — Огородникова в исполнении Т. Бестаевой. С совершенной убежденностью, завидной непосредственностью и чувством жанра совсем молодая актриса создает комедийный характер непутевой, вроде

бы даже циничной, но на самом деле хорошей, симпатичной нынешней девушки...

Московская афиша ведет нас дальше: «Дневник женщины» К. Финна в театре им. Пушкина, «Голубая рапсодия» Н. Погодина в театре Маяковского, «Дни нашей юности» В. Савченко у Ермоловцев, «Мой брат» И. Куприянова в театре им. Гоголя... Всюду действие происходит в нашей стране и в наши дни.

Теперь уже никто не скажет, что пьес о современности мало. Однако, по слову Солохова, цифры в искусстве — вещь лукавая. Спектакли возбуждают не только радость, но заставляют и серьезно задуматься. Общая беда, мне кажется, состоит в том, что мы замечаем упрощенное разрешение драматического конфликта, указующе-наглядное подытоживание действия в финале. По мысли К. Финна, героиня «Дневника женщины» — это прекрасный, душевно богатый человек. Однако, несмотря на талант и усилия Л. Скопиной, поступки героини — особенно в сцене комсомольского собрания — лишены правды. Трудно поверить, что мать, узнавшая правду о сыне и пораженная горем, может произносить столь торжественную речь. Чувствуется, что слова эти нужны автору, а не героине. Трудно поверить и в метаморфозу, которая происходит с Борисом. В финальной сцене другого спектакля «Девятый вал» писатель и режиссер подчеркнуто озабочены тем, чтобы поставить точки над «и» в судьбе каждого действующего лица. А все-таки водевилу «Пора любви» совсем не идет стандартный финал, напоминающий безвкусную, аляповатую открытку.

Эта огорчительная черта многих постановок объясняется тем, что искусство нашей сцены все еще несет на себе печать иллюстративности. Слово боюсь, что зрители чего-то не поймут, театр слишком многое нам наглядно растолковывает и под занавес обязательно стремится проиллюстрировать благополучный исход действия. Зачем это? Оптимизм не требует утешительной интонации, а источник радости в искус-

стве — это большая правда жизни, раскрытая талантом художника.

Такую правду увидели мы в спектакле, действие которого хот и удалено от нашей жизни, но который близок нам своим гуманизмом, глубиной человеческого чувства. Это «Милый лжец» Джерома Килти в Московском Художественном театре. Где истоки успеха этого спектакля? Трудно ответить на такой вопрос, но, мне кажется, все дело в том, что актеры взглянули на жизнь Бернарда Шоу и Патрика Кемпбэлла не со стороны, а с позиций своего собственного жизненного опыта. Они внесли в спектакль лирическое начало, которое всегда присутствовало в лучших спектаклях МХАТ. Ведь беда Художественного театра как раз в том, что на его сцене часто появляются выверенные по правилам, часто отмеченные мастерством, но холодные, не взволновавшие самих актеров спектакли. Неожиданный и необычный «Милый лжец» словно бы напомнил об истинном призвании дома Станиславского.

Пьеса Джерома Килти стала известна в нашей стране совсем недавно, и хорошо, что репертуар театров обогащается интересными явлениями зарубежной драмы. В этом — тоже примета нынешнего сезона. А. Шатрин поставил в театре имени Ермоловой трагикомедию Эдуардо де Филиппо «Суббота, воскресенье, понедельник». Эта пьеса впервые появилась на советской сцене, и Ермоловский театр, верный авторскому стилю, создал спектакль, отмеченный большой, неприкрашенной правдой.

Интересна и осенняя премьера театра имени Маяковского. Она открыла нового для нас драматурга и режиссера: Я. Цинцовский поставил драму Уильяма Сарояна «В горах мое сердце». Ранняя пьеса американского писателя привлекает своим демократизмом духовной бодростью людей, которым живется очень нелегко. Здесь нити, связывающие ее с нынешним днем современного мира. Один из героев пьесы, поэт Бен Александер, убедился, что его стихи не угодны издателям, но он пишет, потому что не может не писать,

потому что в поэзии его жизнь и долг перед людьми, как он его понимает. Старый музыкант Мак-Грегор, кажется, вовсе отрешен от действительности, но он бежит из дома для престарелых и отдает свои песни людям. Конечно, в пьесе Сарояна мы не видим социальной борьбы, не слышим нот осознанного протеста. Но она наполнена любовью и уважением к человеку.

Есть в драме одна особенность. По видимости «бытовые» образы ее на самом деле во многом условны, символически. Стиль драмы потребовал и особого сценического решения, поисков путей «поэтического театра», и режиссер стал на этот путь. Его поддержал художник Е. Манке, точно почувствовавший сложную природу пьесы. В спектакле есть актерские удаchi — особенно хорош мальчик Джонни в на редкость живом и непосредственном исполнении А. Терехина. Хорош в неожиданной для себя роли поэт А. Лукьянов.

Однако не во всем спектакль удался театру. Режиссер словно бы остановился в растерянности перед главным образом пьесы — Мак-Грегором. В исполнении М. Орлова Мак-Грегор — трагик в театральном плаще, с львиной шевелюрой и речью, отмеченной торжественной риторикой. По-видимому, актер и режиссер хотели «поднять» образ над жизнью, обнаружить его романтическое существо. Но сделали они это прямолинейно, схематично. Спектакль очень бы выиграл, если бы в Мак-Грегоре мы почувствовали простого человека, его жизнь и судьбу. Ведь из обидного, достоверного высекается поэзия и романтика в таком спектакле.

Нынешний сезон — особенный. Только что мы отметили сорок пятую годовщину Октября, и театры готовились к этой знаменательной дате. В январе мы будем отмечать сто лет со дня рождения Станиславского. Очень важно, чтобы дело не ограничилось юбилейными торжествами. Всего дороже — новые, талантливые спектакли, в которых глубокие идеи, современность и правда объединяются с высоким художественным совершенством.

А. АНАСТАСЬЕВ.

Н. О. НОВА 1952